
НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

DOI: <https://doi.org/10.37279/2413-189X.2021.26.656-672>

О ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ ЗНАНИЯ «МЕЛОЧЕЙ». ОТВЕТ А. Ю. МИТРОФАНОВУ

Валерий Павлович Степаненко

*Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
v.stepanenko49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8399-5530>*

WHY KNOWLEDGE OF «SMALL THINGS» MATTERS: A RESPONSE TO A. IU. MITROFANOV

Valery P. Stepanenko

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Благодаря любезности редакции журнала «Христианское чтение» я получил возможность познакомиться с ответом А. Ю. Митрофанова (в дальнейшем – автор) на мою рецензию на его монографию в МАИЭТе [14]. К сожалению, он столь же сумбурен, как и сама монография. Стилистика же ответа, отнюдь не академическая, напоминает характер дискуссий в столь нелюбимую автором «эпоху тоталитаризма» [12] и вряд ли приемлема для автора, претендующего на пресловутый академизм и разделяющего либеральные ценности. Все это *«заставляет нас сожалеть о том, что мы вынуждены честно и беспристрастно оценивать публикацию, подписанную его именем. Но иного выхода нет, тем более что практически каждая страница монографии А. Митрофанова усыпана многочисленными фактическими, стилистическими и методологическими ошибками»*¹. Как кажется, основной целью г. Митрофанова было опустить рецензента до своего уровня. Отсюда и данная ему характеристика – *«Почтенный возраст рецензента и его авторитет уважаемого ученого заставляют нас сожалеть о том, что мы вынуждены честно и беспристрастно оценивать публикацию, подписанную его именем. Но иного выхода нет, тем более что практически каждая страница рецензии В. П. Степаненко усыпана многочисленными фактическими, стилистическими и методологическими ошибками, некоторая забывчивость и странные «фигуры умолчания» становятся отличительной чертой дальнейшего изложения В. П. Степаненко на страницах рассматриваемой рецензии. Эта отличительная черта, к сожалению, нередко влияет на стиль автора, придавая ему удивительную небрежность и временами даже не-*

¹ В дальнейшем тексты в кавычках и выделенные курсивом принадлежат А. Ю. Митрофанову. В данном случае мы цитируем автора, так как данное замечание применимо и к его труду.

ряшливость. При чтении рецензии В. П. Степаненко складывается впечатление, что эта рецензия была написана в спешке, текст ее подвергался достаточно небрежному редактированию и не был как следует прочитан перед публикацией».

Как известно, нападение – лучший метод защиты. Но переход г. Митрофанова «на личности» ни в коей мере не может отразиться на оценке его работы, ранее данной в рецензии. Повторю. Работа эклектична и вторична как по фактам, так и по выводам (см. Ф. Шаландон). Все это давно уже сделано. Так что претензии автора на новое прочтение давно известного материала вряд ли оправданны. Структура работы не продумана. Если бы ее появлению предшествовали не две работы автора, но серия статей, в коих были бы рассмотрены вопросы, существенные для разработки главной проблематики труда – стратегии Алексея Комнина, не было бы необходимости обращаться к ним в самой работе, как-то: предыстория сельджуков, социальная структура союза огузских племен, их тактика и вооружение², история варягов, облик византийских красавиц и прочее, и прочее³.

Будучи не в состоянии ответить на все претензии автора (для этого пришлось бы писать отдельную работу), отметим лишь основные проблемы, требующие ответа. Предшествующая историография используется крайне избирательно и субъективно. «Многочисленные» работы Р. А. Гусейнова и К. Каэна по общей истории сельджуков, рекомендованные В. П. Степаненко в качестве «обязательных», впервые вышли более пятидесяти лет назад и на сегодняшний день безнадежно устарели. Более поздние переиздания этих работ не содержат ничего принципиально нового, по сравнению с первыми публикациями указанных авторов. Если, конечно, не считать историческим открытием такую бессмысленную категорию, как «геополитическое пространство Евразии», в которое, с точки зрения Р. А. Гусейнова, вошли Армения и Грузия после сельджукского нашествия... Вот такие, с позволения сказать, «исследования» рекомендует нам в качестве «обязательных» В. П. Степаненко».

Инвектива автора в адрес Р. А. Гусейнова откровенно неприлична. Основные его работы, как ученика Н. В. Пигулевской, были опубликованы в «Палестинском сборнике» в Ленинграде в советский период. Позднейшая эволюция его (и не только!) воззрений на историю Закавказья печальна, но вряд ли может служить основанием для отрицания значения его ранних работ по сельджукской проблематике. Для

² «Некомпетентность В. П. Степаненко в области военной археологии кочевников раннего Средневековья делает его пленником нарративного повествования и не позволяет ему представить подлинные масштабы развития защитного вооружения, в частности ламеллярного доспеха, у кочевников евразийских степей в сельджукскую эпоху. В связи с этим В. П. Степаненко делает неправильные выводы относительно тактики сельджукской армии и необоснованно ставит под сомнение существование у сельджуков тяжеловооруженной конницы». Так как наши знания о тяжеловооруженной коннице крайне смутны, использовать здесь как аналогии вооружение «кочевников евразийских степей» крайне рискованно. Скорее, аналогии следует искать в Иране данного периода.

³ Кстати, византийскую принцессу Анну Комнину вряд ли можно назвать «августейшей великой княжной». Это что-то из недавней истории России.

своего времени они были значительны, так как в советской историографии ничего подобного тогда не было, и ныне нет. Что касается К. Казна, то ему ставится в вину то, что он находился под влиянием марксизма и даже некоторое время был членом французской компартии! *«Подобные лакуны в исследованиях К. Казна объясняются определенной идеологической ангажированностью исследователя, бывшего, как известно, до последних дней активным деятелем французской коммунистической партии. Ортодоксальные марксисты всегда недооценивали самостоятельное значение кочевых культур в развитии средневековой цивилизации. К. Казн не стал исключением, и его идеологические взгляды влияли на его научные выводы. Во-первых, К. Казн, по верному замечанию А. Пикока, не уделил должного внимания ранней истории сельджуков и других туркменских кочевых племен в Средней Азии, не предложил никакого объяснения причинам сельджукских завоеваний и успехам этих завоеваний. Во-вторых, К. Казн, как многие востоковеды его поколения, недооценивал значение археологии и ее данных в своих научных построениях. В силу указанных обстоятельств мы сознательно не ссылались на работы К. Казна, тем более что наша книга посвящена все-таки не сельджукам, а стратегии императора Алексея Комнина. Тот факт, что сомнительная хронология сельджукской экспансии К. Казна остается на данный момент, по словам В. П. Степаненко, единственной, никоим образом не делает ее «обязательной» для цитирования. Возможно, В. П. Степаненко заимствовал представления об «обязательности» цитирования тех или иных работ из советских времен, когда тоталитарный режим обязывал историков давать на страницах своих работ «цитатник» из так называемых «классиков», чем с успехом занимался и сам В. П. Степаненко. Мы же ссылаемся на работы современных исследователей, занимавшихся сельджуками, в частности на работы А. Пикока, П. Голдена и С. Г. Агаджанова».* Я рад, что С. Г. Агаджанов реабилитирован. Но работы А. Пикока ни в коей мере не в состоянии заменить труды К. Казна. В лучшем случае – дополнить.

Следует также отметить, что изучение ранней истории огузов ДО их появления на территории Малой Азии не входило в сферу научных интересов К. Казна, что следует из названия его работы – «Сельджукский Румский султанат. 1071–1330». Археология сельджукской Малой Азии в 1960-е гг. была в зачаточном состоянии. Даже в наше время положение немногим улучшилось. Это видно хотя бы по тому, что автор вынужден использовать археологические материалы кочевников Передней Азии и реконструкции (того же М. Горелика), так как малоазийский материал отсутствует⁴.

Что касается классиков, то, будучи человеком среднего возраста, г. Митрофанов имеет весьма смутные представления об особенностях научных публикаций периода т.н. тоталитарного режима. Для уяснения оных достаточно открыть работы его учителей или обратиться к здравствующим рецензентам его опуса. Без этих

⁴ В музеях Коньи и Стамбула хранятся каменные барельефы румского периода, как, например, со сражающимися воинами [42, р. 80].

реверансов ни одна работа не могла быть издана. Боюсь, что с тех времен мало что изменилось. Достаточно открыть автореферат любой современной диссертации. Т.н. классиков сменил невнятный набор методов и приемов, использованных при сотворении того или иного труда. И это не вина авторов, но требования свыше.

Работы ряда исследователей объявляются устаревшими, тенденциозными или несущественными, если они в чем-то не устраивают автора. Но почему тогда эти устаревшие работы постоянно переиздаются [22; 23; 24] и присутствуют в библиографии всех позднейших работ? Избирательность автора показательна, ибо труды Г. Шлюмберже (1905), Бартольда (1927), Гордлевского (1941) таковыми им не считаются. Повторюсь, для того, чтобы ответить на претензии автора, сформулированные излишне эмоционально, нужно писать отдельную работу. Но показательно, что на ряд замечаний, как-то: 1) участие князя Владимира в военных действиях в Малой Азии, 2) существование фем в Первом болгарском царстве, уничтоженных при завоевании Болгарии Василием II, и 3) мятеж некоего Адама Севастийского, автор не считал нужным или возможным ответить по существу.

1) *«К сожалению, В. П. Степаненко демонстрирует незнание фундаментальной историографии в области внутренней византийской истории как в этом вопросе, так и в вопросе участия варяго-русской дружины князя Владимира в битве при Абидосе. Участие варяго-русской дружины в битве при Абидосе засвидетельствовано у Михаила Пселла, в других источниках, например у Иоанна Зонары и Георгия Кедрина и кроме того исследовано в работах В. Г. Васильевского. Личное участие князя Владимира в битве при Абидосе на основании сведений упомянутых источников представляется вполне возможным. Ибо условия договора между императором Василием II и князем Владимиром предполагали не только участие в боевых действиях варяго-русской дружины князя Владимира, но и незамедлительное вступление князя Владимира в беспрецедентный династический брак с принцессой Анной. «Открытия», приписанные нам в рецензии В. П. Степаненко, были давно сделаны учеными XIX в., на работы которых мы только что сослались».*

Несомненной заслугой автора является указание на личное участие князя Владимира в борьбе с мятежами в Малой Азии даже, как *post factum*, в качестве гипотезы. Данный тезис желательно развить со ссылками на источники и «на открытия, давно сделанные учеными XIX в.», так как до сих пор ни византинистам, ни русистам этот эпизод не был известен и в жизнеописаниях князя досадно отсутствует.

2) *«После 1018 г (падение Охриды, тогда – столицы Болгарии – В.С.) печенеги были отделены от Константинополя лишь выжженной пустыней и горами развалин, в которые Василий II превратил болгарские фемы» (с. 158). В ответ на наше замечание последовала следующая сентенция – «Выражение «болгарские фемы» означает на страницах нашей книги именно византийские фемы, располагавшиеся на территории бывшего Болгарского царства, а не какие-либо иные фемы. Книга написана для компетентной аудитории, а не для неучей».* Рецензент, что неоднократно констатирует автор, явно принадлежит к числу последних, так как не смог

уяснить какие «византийские фемы на территории бывшего Болгарского царства» обратил в груды развалин Василий II, так как царство стало бывшим только после 1018 г., и именно после этого на его территории были **созданы** византийские фемы, вероятнее всего, катепанат Болгария [последняя работа: 10, с. 154–181; см. также: 35]. Что до печенегов, то их первый набег на территорию Добруджи датируется 1026 г. [см.: 9, с. 141–164]. Человеку свойственно ошибаться...

Источники

«Автор настоящей статьи не нуждается в современном английском переводе хроники Матфея Эдесского, так как владеет древнеармянским языком на уровне, необходимом для чтения этого произведения. Кроме того, существует хороший французский перевод хроники Матфея Эдесского, выполненный Эдуардом Делорье еще во второй половине XIX в., который значительно превосходит «современные английские переводы». Хроника Матфея Эдесского использовалась нами при написании главы о восточной политике императора Иоанна I Цимисхия (с. 767). При этом те части хроники Матфея Эдесского, которые повествуют о событиях царствования императора Алексея Комнина, чрезвычайно тенденциозны и носят на себе сильный отпечаток идей армянского патриотизма. Эти части хроники Матфея Эдесского не слишком ценны для исследования военной и политической стратегии императора Алексея Комнина, так как армянин из Эдессы в силу естественных причин не обладал источниками информации об этой стратегии, которыми обладали Анна Комнина и Никифор Вриенний. Как Матфей Эдесский, так и Михаил Сириец (1126–1199) не обладали доступом к синхронным источникам по истории царствования императора Алексея». Автору осталось «совершенно непонятно то, какое отношение к проблеме источников Анны Комниной имеет текстология столь любимой В. П. Степаненко хроники Матфея Эдесского». «Складывается впечатление, что о внутренней критике источника автор не имеет ни малейшего представления, а задачи исторического исследования видит в простом пересказе сведений из различных нарративных текстов, преимущественно из «Алексиады».

К сожалению, мы вынуждены сделать данное замечание самому автору, считающему «Хронографию» Урхайеци поздней и несущественной для анализа ситуации в Малой Азии во второй половине XI в., хотя об АCOPE Санаинеци он что-то и слышал.

Напомним автору, что «Хронография» Урхаеци состоит из трех отдельных хроник [подробнее: 8, с. 367–376]. Нас интересует первая. Давно известен список армянских хронистов, чьи работы не сохранились или пока не найдены. Одним из них до недавнего времени и был АКОП Санаинеци. В 1974 г. Л. С. Хачикян обнаружил в собрании Матенадарана позднюю рукопись из эсцептами из армянских хроник [см.: 18, с. 16–24]. Среди них были фрагменты, автором некоторых, текстуально совпадавших с текстом «Хронографии» Урхайеци, назван АКОП Санаинеци, умерший, кстати, в Урхе-Эдессе в 1086 г., что отмечено в тексте Маттеоса. Т.е., по мнению Л. С. Хачикяна, весь текст, предшествующий этой дате, принадлежит именно АКОПУ. В тексте воспро-

изведены не только документы из архива шаханшахов Ани, но и из архива католикосата. Акоп был настоятелем Санаина и имел доступ к этим документам. Вывезли ли их в изгнание последний шаханшах Ани Гагик II и католикос Петрос Гетадардз, то нам неизвестно. Скорее всего, нет. Напомним об обстоятельствах их появления в Византии [15, с. 83, 85; см. также: 6, с. 207–216]. Как следствие, «Хронография», по крайней мере в первой ее части, остается одним из наиболее авторитетных источников по истории армяно-византийских отношений и собственно ситуации в Малой Азии как минимум до 70-х гг. XI в. Акоп Санаинеци был современником и участником описываемых событий. Как следствие, его труд в составе «Хронографии» Урхайеци вряд ли может считаться поздним. Все это уже присутствовало в тексте рецензии и по неизвестным причинам было проигнорировано автором. «Хронография» Урхайеци всюду объявляется поздней, что явно ошибочно. Обладая знанием грабара, как он утверждает, автор всюду ссылается на французский перевод Э. Дюлорье, тогда как доступно переиздание текста по вагаршапатскому изданию с переводом на современный армянский язык Р. М. Бартикяна [13].

«Мы же можем только удивляться тому, что византинист В. П. Степаненко, который на страницах своей рецензии постоянно ссылается на армянскую хронику Матфея Эдесского, либо не знает, либо сознательно игнорирует сведения византийских авторов. Быть может, причина этого странного обстоятельства заключается в том, что хронографии Иоанна Зонары и Георгия Кедрина до сих пор не изданы в полном переводе на современный русский язык?» Должно знать, что для событий XI в. эти авторы основывались преимущественно на труде Скилицы. Поэтому до появления критического текста последнего при ссылках на данный труд исследователи цитировали текст Кедрина. Скилица в последние годы переведен на английский и французский языки [34; 33].

3) Ситуация в Малой Азии в первой половине XI в.

«Вопреки мнению В. П. Степаненко, Адам Севастийский и его мятеж против Византийской империи были такой же исторической реальностью, как и существование варяжской гвардии. События, связанные с историей Адама Севастийского и участием варяжской гвардии в подавлении армянского мятежа, были реконструированы еще Густавом Шлюмбергером на основании сведений Матфея Эдесского [Schlumberger, 1905, III, 200–201; Matthieu d'Édesse, 1858, 62, 67–68], поздней хронике которого можно доверять как раз тогда, когда речь заходит об истории армянских династий, а не о политической стратегии византийских императоров или о передвижении сельджукских отрядов».

Здесь придется огорчить автора. Во-первых, данный труд Г. Шлюмберже (так!) давно никто не использует по причине его крайней устарелости. Французский исследователь известен как отец византийской сигиллографии, но не как историк. Его ссылку на Урхайеци относительно Адама Севастийского следовало бы проверить. Перевод Э. Дюлорье к этому времени был доступен. Доступен он и сейчас в интернете и как репринт на Озоне. На с. 62 речь идет о распре католикоса Петра с шаханша-

хом Иовханнэсом-Смбатом, а на с. 67–68 о том, что некий зловердный придворный, принадлежавший к окружению Сенекерима Арцруни, отправился к императору и оклеветал (наследников Сенекерима) братьев Атома (не Адама!) и Абусахла, якобы замысливших мятеж. Император Михаил отправил в Севастию аколужа с 15 тысячным контингентом, чтобы схватить их. Но, задоблив его дарами, они отправились с ним в Константинополь, укрылись на могиле Василия II (в Силимври) и в конечном счете получили прощение. Знание автором грабара (что можно только приветствовать) дало бы ему возможность проверить текст по ереванскому изданию «Хронографии» Урхайеци [13, с. 92–93]⁵.

Ссылка автора на изданный более ста лет назад труд Г. Шлюмберже дает основание предположить, что огромный массив работ по ситуации в Малой Азии в 20–70-х гг. XI в., изданных относительно недавно, ему неизвестен или проигнорирован. Так, в 2003 г. была издана монументальная двухтомная диссертация-монография Ж. Дедеяна, полностью учитывающая предшествующую историографию, в том числе и советскую [30]. Излишне говорить, что этому предшествовала длительная и тщательная работа с источниками, включая сигиллографические, что нашло отражение в массе публикаций [28; 29]. Тема «армяне в Византии» до 1071 г. и позже – «вне ее» раскрыта здесь с исчерпывающей полнотой. По данной проблематике постоянно появляются новые работы тех же Ж.-Кл. Шене и В. Зайбта⁶.

Что касается казуса Адама Севастийского, то нужно обратиться к истории Севастии данного периода. Как известно, в 1021 г.⁷ после поражения Грузии в войне с Византией царь Васпуракана Сенекерим Арцруни был вынужден, явно под давлением Василия II, обменять царство на «Севастию, Лариссу, Авару и много деревень», сан магистра и пост стратига Каппадокии [32, р. 354; 17, р. 178–191]. С ним переселились многочисленные родственники, в том числе жена Хушуш, дочь шаханшаха Ани Гагика I, сыновья Давид, Атом, Абусахл и Константин, дети брата царя Дереника, множество представителей знати. Напомним, что старшая дочь царя Мариам осталась в Грузии как жена царя Георгия I. Севастия стала центром владений Арцруни, известных в Византии как Сенахеримы. Позже были вынуждены переселиться в Византию шаханшах Ани Гагик II (1045) и царь Вананда (Карс) Гагик (1064) уже в обстановке сельджукского завоевания Закавказья. В 1064 г. сельджуки захватили Ани, тогда уже центр византийской фемы Иверия и Великая Армения. Армянские правители передавали Византии свои царства в обмен на владения на территории в Малой Азии. Будучи все более автономными по мере ослабления здесь позиций центральных властей и – будучи приверженцами армянской апостольской церкви, считавшейся в им-

⁵ Должность Аколужа здесь превратилась в имя собственное.

⁶ Об этом много написано в последнее время [см., например: 25; 27]. В научный оборот введены многочисленные сигиллографические памятники, в том числе из коллекции Г. Шлюмберже – Н. П. Лихачева в собрании Отдела Востока Эрмитажа.

⁷ Давление империя началось с 1000 г. – аннексии владений Багратида Давида куропалата. В 1014 г. еще до падения Охриды Василий II направил в Закавказье на границы Васпуракана плененных болгарских воинов [4, с. 88–96].

перии еретической, чем дальше, тем больше они игнорировали центральные власти. Более того, Сенекеримы приютили в своих владениях католикосов Петра Гетадардза и позже – Хачика Анеци, изгнанных из Ширака – фемы Иверия и Великая Армения. Их взаимоотношения с центральной властью в Константинополе ухудшались по мере усиления попыток последней нивелировать специфику новых армянских владений, начало которым положили попытки навязать армянам официальное православие, преследование клириков армяно-григорианской церкви вплоть до католикоса, насильственное обращение в православие паствы. В 30–50-х гг. XI в. отношение армянских владетелей к центральной власти оставалось более или менее лояльным. Они получали византийские саны и посты [39, р. 270; 41, р. 119–133]. Но в 60-е гг. они чувствовали себя уже достаточно независимо, свидетельством чего явилось убийство митрополита Кесарии Марка, инициатора гонений на армяно-григориан, по приказу экс-шаханшаха Ани Гагика II. Итог – грабеж Севастии в присутствии Атома и Абусахла армией императора Романа Диогена во время похода против сельджуков, что явно было реакцией на все более растущий сепаратизм армянских владетелей Малой Азии, лидером которых до своей гибели оставался Гагик II. А так как знания автора о ситуации в Малой Азии в данный период весьма поверхностны, то он пишет: *«Интенсивность сельджукских набегов на район Севастии в 1059–1060 гг., отмеченная В. П. Степаненко на основании сведений Матфея Эдесского, никак не исключает тот факт, что резня, устроенная войсками Романа Диогена в Севастии могла быть в действительности вызвана совместными действиями враждебных армян и сельджукских банд. Резня в Севастии, по-видимому, имела место в период первого похода Романа Диогена, так как новый император в преддверии большой войны с сельджуками прежде всего стремился очистить свой тыл от враждебного элемента. Этот первый поход произошел вскоре после воцарения Романа Диогена в 1068 г., а не в 1070-е гг., как полагает В. П. Степаненко»*. У Маттэоса Урхайеци это событие датируется 520 г. арм. эры (4 марта 1071 – 2 марта 1072) [13, с. 214, 215].

Армия

«Утверждение В. П. Степаненко о том, что кризис византийской армии был следствием восточной политики Константина IX Мономаха, противоречит Михаилу Пселлу, который сообщает о патологической скупости Константина X Дуки, оставившего воинские части (наемников, а не стратиотов) без средств к существованию, что было равносильно их расформированию». Излишне говорить, что кризис фемной структуры и связанного с ней стратиотского ополчения были следствием провала аграрной политики Македонской династии. Императорам не удалось остановить рост динатского землевладения. Уже Василий II был вынужден привлекать наемников – варяго-русскую дружину, немногим позже появились норманны (Урсель-Руссель, Жерве и пр.). Во-первых, это утверждение не рецензента, но Скилицы [32, р. 476]⁸ и Атталиата [36, р. 44–45]. В свое время данный вопрос детально рассмо-

⁸ Константин Мономах через Льва Сервлия распустил иверийское войско, состоявшее из около 50

трел К. Н. Юзбашян [21, с. 197–198]. Во-вторых, сводить все к субъективным факторам – жадности Константина Мономаха или Константина Дуки, уменьшавших выплаты армии или распускавших стратиотские ополчения фем, вряд ли возможно [об императорских кураториях после 1021 г. см.: 7]. Рост династического землевладения имел следствием сокращение налоговой базы центральной власти. Отсюда и рост налогообложения мелких земледельцев, и их разорение.

«Контингенты восточных фем, преданные Роману Диогену и Филарету, состояли не из крестьян-стратиотов, как, по-видимому, предполагает В. П. Степаненко, а из дружин армянской знати, на которую опирался император Роман IV, например из дружин Хачатура, в случае же с Филаретом эти контингенты включали даже норманнских рыцарей-наемников. Мы не будем здесь цитировать источники, подтверждающие нашу правоту, – Никифора Вриенния и Анну Комнину, так как это уже было сделано на страницах нашей книги».

Все это, как минимум, не точно. Провинциальная военная знать армянского происхождения к 1071 г. возглавляла преимущественно восточные фемы, но не только. Речь идет о той ее части, которая перешла на византийскую службу и достаточно органично вошла в состав провинциалов, будучи связанной с администрацией этих фем в качестве стратигов (Торос, сын Хетума, позже Гавриил – в Мелитене, тот же Торос, позже Васил, сын Апухапа – в Эдессе, Васак Пахлавуни и Хачатур – в Антиохии). Как следствие, своих дружин они не имели. В их распоряжении оставались контингенты восточных фем, либо еще не разгромленных сельджуками или не перешедшие еще под контроль Врахамия [см.: 26, р. 22–23 (стратиго Антиохии), р. 59 (стратиго Эдессы); последняя по времени работа: 1], как позже варяги, оставшиеся у него вместе с греческими отрядами после 1071 г. [о норманнах в византийской армии накануне и после Манцикерта см.: 37; из последних работ: 31]. Как отметил И. Иорданов, вся информация о фемной администрации в Византии окончательно исчезает к 90-м гг. XI в. [см.: 10]⁹. Так что о дружинах у стратигов фем в это время речи быть еще не может. При Манцикерте и в гражданской войне 1071–1072 г участвовали еще именно фемные контингенты, в 1090-е гг. исчезнувшие вместе с фемами. После Манцикерта представители армянской служилой знати оказались на территории владений Филарета Врахамия (Васил, сын Апухапа, Торос, сын Хетума, Гавриил и пр.). Армянские владетели – Багратиды Ани и Карса, Сенекеримы – Арцруни были в оппозиции центральной власти. Они-то дружинами обладали и вели частные войны с соседями (казус братьев Мандалов). Лишь некоторые представители армянской элиты остались позже на византийской службе, как, например, Пакурианы (Григор, Татул), те же Сенахеримы (Феодор) [см.: 2, с. 143–146], но с утратой малоазийских фем роль армян в управлении империей резко уменьшилась.

«Мятеж Никифора Мелиссина упомянут нами. De facto Никифор являлся стратигом Вифинии, несмотря на то, что, насколько нам известно, в нашем рас-

тысяч человек, и вместо стратиотов собрал в тех местах многочисленные налоги.

⁹ Фемы исчезли, но администрация осталась.

поряжении пока нет печатей Никифора с подобным титулом. Никифор Мелиссен на самом деле предал Никею Сулейману, если не *de iure*, то во всяком случае *de facto*. Какому именно Сулейману? Сулейману Кутулмышу или же, как полагает В. П. Степаненко, его сыну? Этот вопрос остается дискуссионным. В «обстановке мятежей» 1080-х гг. размещение сельджуковских наемников в городе могло быть только следствием соглашения между византийской администрацией (Никифором) и Сулейманом, которое и привело к захвату Сулейманом Никеи». Стратиг не титул, но пост. Сулейман не Кутлумиш, но ибн Кутлумиш (сын). Информации о Мелиссине мало, но известны его печати как василевса ромеев и чеканенные в Никее монеты (одна в Эрмитаже) [16, с. 78–91]. Императором он не стал. Его опередил родственник – Алексей Комнин. Сельджуков как наемников в города Вифинии, будучи мятежником, вводил уже Вотаниат. Мелиссин лишь продолжил эту политику.

«Договор 1081 г. на реке Дракон с византийской точки зрения был временным соглашением. Он никогда не рассматривался в Византии в качестве легитимного договора, фактически не соблюдался обеими сторонами, а потому и не оказал влияния на военную стратегию императора Алексея Комнина». Позволю напомнить, что договор гарантировал относительную стабильность границы – и Византии, и Рума, что дало возможность Сулейману увести войска на восток и ввязаться в борьбу за Сирию. Там он и погиб в 1086 г.

«Старая статья Вернера Зейбта, упомянутая В. П. Степаненко, нам известна, как известна нам также и другая статья, в которой сам В. П. Степаненко в соавторстве с В. С. Шандровской на основании серии моливдовулов пытается отождествить Аспиета Анны Комниной с Аспиетом Пакурианом. Нас интересовала не вероятность подобной идентификации и не родственные связи Пакурианов, а вероятные причины высокого назначения, которое, по свидетельству Анны Комниной, получил Аспиет. Как известно, В. П. Степаненко не является специалистом в области ранневизантийской истории и в силу данного обстоятельства, вероятно, не знает о сообщении про армянских Аршакидов Прокопия Кесарийского». [Знает, но см.: 38, S. 349–359].

Автору должно быть известно, что к Аршакидам придворные льстецы возводили родословную армянина Василия I [5, с. 47–54]. Поэтому представители армянской аристократии, добровольно или насильственно переселявшиеся в Византию во время правления императоров Македонской династии, объявили себя Аршакидами, а некоторые даже Хайказнами, т.е. прямыми потомками прародителя армян Хайка (как Григор Магистр Пахлавуня) [3, с. 132]¹⁰. Так что исторические Аршакиды здесь ни при чем.

«В отличие от В. П. Степаненко, который пытается доказать реальность социально-экономического кризиса в Византии в XI в., А. П. Каждан недвусмысленно утверждал, что в действительности в XI–XII вв. Византия переживала экономический подъем, связанный, в частности, с активным развитием городского хозяйства».

¹⁰ В нем Григор называет себя Аршакидом.

Эволюция взглядов А. П. Каждана по данному вопросу со временем может стать предметом специального исследования. Для его ранних работ характерна абсолютизация социально-экономического и политического кризиса империи в последней четверти XI в. Напомним название его главы в «Истории Византии» (Т. 2. М., 1967) – «Внутриполитический кризис в конце XI в. и внешнеполитический разгром». Тогда как в последней работе речь идет об экономическом подъеме XI–XII вв., так, как будто не было ни кризиса, ни разгрома, но плавный и непрерывный подъем экономики, преимущественно, городской. Это не совсем так. Был период, когда на территориях, оставшихся в составе Византии, экономика начала только восстанавливаться. Так что между подъемами XI и XII вв. был существенный хронологический разрыв. При этом А. П. Каждан отметил фрагментарность фактических данных относительно ситуации в экономике данного периода [11, с. 41].

«Степаненко не знаком со старыми исследованиями В. Г. Васильевского, предположившего интересную интерпретацию сведений из Картлис Цховреба о походе варяжской гвардии в Грузию и об участии варягов в войне против Баграта IV на стороне Липарита». Рецензент не только знаком, но и владеет первоизданием трудов В. Г. Васильевского, но после них появился ряд работ, как например статья К. Н. Юзбашьяна об участии варяго-русской дружины в военных действиях в Грузии [20, с. 14–28]. Более того, В. Зайбт издал печать Иване, сына Липарита, как византийского функционера [40, р. 123–131].

«То обстоятельство, что Мариам Арцруни – мать Баграта IV, по выражению В. П. Степаненко, «приближалась к пенсионному возрасту», не может опровергнуть свидетельств как письменных источников, так и Хахульского триптиха, о ее красоте».

Не совсем понятна ссылка на статью Н. Беручашвили и Н. Бичикашвили относительно красоты Мариам Арцруни. В статье авторы ссылаются на каталог перегородчатых эмалей государственного музея искусств Грузии [19]. В нем изданы три эмали, украшающие Хахульский триптих. Атрибуция их смутна и противоречива. На них изображены: 1) Богоматерь, коронующая две женские фигуры в одеянии византийских императриц (п. 68). Это могут быть как последние, так и грузинская царица Мариам и ее дочь Мария как византийская императрица. 2) Императрица, стоящая около Иоанна Предтечи (п. 69) и 3) Императрица как бы замещающая Богоматерь в сцене Благовещения (п. 70). Эмали атрибутированы грузинской мастерской. Одеяния персонажей не могут свидетельствовать в пользу того, что изображены византийские императрицы, как, например, Зоя и Феодора, что, казалось бы, вполне логично в сцене небесной инвеституры¹¹. Изображение Иоанна Предтечи может свидетельствовать в пользу того, что мастерская работала в Хахули при храме Иоанна Предтечи. Наконец, имя императрицы в сцене Благовещения, вероятно, Мария. В этом случае напрашивается ассоциация с Мариам Арцруни или ее дочерью Марфой

¹¹ Их присваивали все или почти все правители государств византийского культурного круга от Сицилии (Рожер I в сцене инвеституры в Марторане, Рожер II в Монреале и пр.) до Болгарии и Грузии.

/ Марией Аланской / Грузинской. Архангелу Михаилу соименен император Михаил Дука. Он с Марией изображен на знаменитой пластине того же триптиха (п. 39). Нюанс в том, что Хахули в это время находился на территории византийской фемы Иверия и Великая Армения, а грузинские искусствоведы атрибутируют весь этот комплекс византизирующей мастерской [19, с. 13, 60]. Высота пластин от 5 до 8 см. Так что красоту изображенных персонажей можно лишь предположить.

«Путаница, вызванная упоминанием в рецензии В. П. Степаненко битвы при Босворте вместо битвы при Гастингсе, лишний раз подтверждает наши предположения о том, что эта рецензия писалась в спешке, возможно, несколькими «литературными неграми», и писалась весьма небрежно, что и обусловило наличие почти студенческих ошибок, столь странных для профессора с почти пятидесятилетним преподавательским стажем, с 2007 г. носящего звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». Инвектива хороша. Где-то даже филиппика. Автор абсолютно прав. Рецензента подвела память, что и не мудрено. Описка действительно досадная. Студенты бы ее не сделали, открыв соответствующий том учебника. «Негров» оставим на совести автора.

И финал

«Если это так, отчего же рецензент уделил столько внимания подобной книге вместо того, чтобы употребить свои силы написание собственной по-настоящему достойной монографии, дабы изданная им тридцать три года назад единственная монография не стала его первым и последним опытом написания собственной монографии и творчески разнообразила его многолетний опыт постоянного рецензирования чужих монографических исследований? В силу нашей исследовательской деятельности мы не считаем нужным более подробно останавливаться на цитатах памфлетного характера. Конечно же, мы ценим свободу слова каждого из наших критиков, но при этом мы оставляем такую же свободу слова и за собой. Это дает нам возможность честно и откровенно оценивать «научные» тексты, подобные рецензии В. П. Степаненко, которая, к сожалению, является удивительным примером научной недобросовестности и вызывает сомнения не только в компетентности ее автора, но и в научном уровне опубликованного эту рецензию сборника. Videant consules! Нам остается пожелать В. П. Степаненко наконец-то отрешиться от работ коллег и заняться, видимо, давно забытым делом – научным творчеством». Эти патетические строки с полным основанием можно отнести к монографии автора, вспомнив басню Крылова о сапожнике и пирожнике....

На это можно было бы не отвечать, если бы автор более внимательно ознакомился с библиографией работ рецензента. Что касается монографий, то ранее отношение авторов к себе было более строгим и адекватным. Много ли монографий написано ведущими советскими византистами? Теми же А. П. Кажданом и Г. Г. Литавриным, И. П. Медведевым и Г. Е. Лебедевой, Е. К. Пиотровской? Список

можно продолжить. Их можно пересчитать по пальцам. Что-то устарело, что-то еще живо. Например, К. Н. Юзбашян издал одну книгу, все еще не утратившую своего значения, хотя позже источниковая база существенно пополнилась, в основном благодаря сфрагистике. Был популярен другой жанр – научная статья. Лишь в последнее время, взяв на вооружение *variogum gerint*, наши издательства стали собирать и публиковать сборники статей здравствующих или ушедших исследователей. Так появились сборники работ Г. Г. Литаврина, три тома работ Р. М. Бартияна (140 статей, рецензий и публикаций источников из 300, им написанных). Ныне же монографии пишут и издают все. Научное редактирование исчезло. Профессионализм – тоже. Так что монографии эти, *«усыпанные многочисленными фактическими, стилистическими и методологическими ошибками»*, проживут не долго. А их авторам можно пожелать лишь одно – Будьте проще, и к вам потянутся люди. Меньше пафоса ¹². Любите науку в себе, а не себя в науке.

¹² Наполеон в свое время не без схиства сказал о Франсуа Жозефе Тальма, ведущем трагике Комеди Франсез: «Его пафос требует дистанции». Это остается актуальным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко Н.А. Моливдовулы армянского аристократа Филарета Врахамия в контексте исторических событий XI в. // Боспорские исследования. 2014. Вып. XXX. С. 316–328.
2. Алексеенко Н.А., Степаненко В.П. Сенахеримы в Византии. Новая печать Феодора Сенахерима из Болгарии // Вестник Волгоградского университета. Серия 4. История, регионоведение, международные отношения. 2020. Т. 25. № 6. С. 142–149.
3. Бартикян Р.М. Ответное послание Григория Магистра Пахлавуну сирийскому католикосу // Палестинский сборник. 1962. Вып. 7. С. 130–145. [= Bartikian Н.М. *Studia armeno-byzantina*. Vol. 2. Yerevan, 2002. С. 75–90].
4. Бартикян Р.М. О болгарском войске в Васпуракане и последних годах царства Арцрунидов // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1973. № 10. С. 88–96.
5. Бартикян Р.М. К разгадке загадки о «славянском» происхождении основателя Македонской династии Василия I (867–886) // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1985. № 7. С. 47–54. [= Bartikian Н.М. *Studia armeno-byzantina*. Vol. 2. Yerevan, 2002. С. 359–366].
6. Бартикян Р.М. Накануне падения армянского царства Багратидов Ширака (к миссии католикоса Петра I в Константинополь) // Мировая культура. Традиции и современность. М.: Наука, 1991. С. 207–216. [= Bartikyuan Н.М. *Studia armeno-byzantina*. Vol. 2. Yerevan, 2002. С. 443–452].
7. Бартикян Р.М. О царском кураторе “Μανζικέρτ και Εσω Ιβηρίας” Михаиле. В связи с восточной политикой Василия II (976–1025 гг.) // Историко-филологический журнал НАН Армении. 2000. № 1. С. 130–148. [= Bartikian Н.М. *Studia armeno-byzantina*. Vol. 2. Yerevan, 2002. С. 453–472].
8. Бартикян Р.М. Маттэос Урхайеци // Bartikian Н.М. *Studia armeno-byzantina*. Vol. 1. Yerevan, 2002. С. 367–376. (на арм.).
9. Божилев И., Гюзелев В. История на Добруджа. Т. 2. Средновековие. Велико Тырново, 2004. 468 с.
10. Иорданов И. Печати на византийската администрация в България (971–1118). Шумен, 2019. 375 с.
11. Каждан А.П. Никита Хониат и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 536 с.
12. Кондратьев С., Кондратьева Т. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е – начало 50-х гг. XX в.). Тюмень, 2003. 272 с.
13. Маттэос Урхайеци. Хронография / Древнеарм. текст подг. М. Мелик-Адамян и Н. Тер-Микаелян; арм. пер. и комм. Р.М. Бартикяна. Ереван, 1991.
14. Митрофанов А.Ю. С благодарностью и сожалением. Очередной спор на руинах российской византистики. Ответ на статью В. П. Степаненко «Рецензия на: Митрофанов А.Ю. Император Алексей I Комнин и его стратегия. – СПб.: Изд-во СПбДА, 2020» // Христианское чтение. Научный журнал Санкт-Петербургской духовной академии Русской православной церкви. 2021. № 2. С. 296–312.
15. «Повествование» вардапета Аристакееса Ластивертци / Пер. с арм., вступ. ст., комм. К.Н. Юзбашяна. М.: Наука, 1968. 194 с.
16. Степаненко В.П. Никифор Мелиссин. «Деспот и автократор ромеев» // Сфрагистика и история культуры. Сборник научных трудов, посвященный юбилею В.С. Шандровской. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 78–91.
17. Степаненко В.П. Владиславичи, Арцруниды и Багратиды в Византии в XI в. // АДСВ. 2015. Вып. 43. С. 178–191.
18. Хачикян Л.С. Об одной уникальной рукописи Матенадарана // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1974. М.: Наука, 1975. С. 16–24.
19. Хускивадзе Л.З. Средневековые перегородчатые эмали из собрания Государственного музея искусств Грузии. Тбилиси: Хеловнеба, 1984. 160 с.
20. Юзбашян К.Н. “Варяги” и “прония” в сочинении Аристакееса Ластивертци // ВВ. 1960. Т. XVI. С. 14–28.
21. Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия (IX–XI вв.). М.: Наука, 1988. 304 с.
22. Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey: A general survey of the material and spiritual culture and history, с. 1071–1330. London, 1968. 480 p.

23. Cahen Cl. La Turquie pré-ottomane. Paris, 1984. 409 p.
24. Cahen Cl. The formation of Turkey: The Seljukid Sultanate of Rûm: Eleventh to Fourteenth Century. Harlow; New York, 2001. 302 p.
25. Cheynet J.-Cl. Les Arméniens de l'Empire en Orient de Constantin X a Alexis Comnene (1059–1081) // *Armenie at Byzance: Historie et culture*. Paris, 1996. P. 67–78.
26. Cheynet J.-Cl. Sceaux de la collection Zacos (Bibliothèque Nationale de France) se rapportant aux provinces orientales de l'Empire byzantin. Paris: Bibliothèque Nationale de France, 2001. 103 p.
27. Cheynet J.-Cl. De Tziliapert à Sébastè // *Studies in byzantine sigillography*. 2006. Vol. 9. P. 213–226.
28. Dedeyan G. Les pouvoirs arméniens dans le proche-Orient méditerranéen (1068–1144): Thèse de doctorat d'Etat. Paris: Université Paris I, 1990.
29. Dedeyan G. Les princes arméniens de l' Euphrate et Empire Byzantin (fin XIe – milieu XIIe c.) // *Armenie at Byzance: Historie et culture*. Paris: Publ. de la Sorbonne, 1996. P. 79–88.
30. Dedeyan G. Les Arméniens entre Grecs, Musulmans et Croisés. Etude sur les pouvoirs arméniens dans le Proche-Orient méditerranéen (1068–1150). Vol. 1: Aux origines de l'État cilicien: Philarete et les premiers roubenien. Vol. 2: De l'Euphrate au Nil: Le réseau diasporique. Lisbonn: Fondation Calouste Gulbenkian, 2003.
31. Haldon J. Warfare, state and society in the Byzantine world 565–1204. London, New York, 2003. 390 p.
32. Ioannis Scylitzae. Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurm. Berlin, New York, 1973. 642 p.
33. Jean Skylitzes. Empereurs de Constantinople / Texte traduit par B. Flusin; annote par of J.-C. Cheynet. Paris, 2003. 467 p.
34. John Scylitzes. A synopsis of Byzantine history. 811–1057 / Transl. by J. Wortley; with introductions of J.-C. Cheynet and B. Husin and notes by of J.-C. Cheynet. Cambridge, 2010. 526 p.
35. Krsmanovic B. The byzantine province in change (on Threshold between the 10th and the 11th century). Belgrade, Athens, 2008. 232 p.
36. Michaelis Attalioetae Historia / Rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1853.
37. Schlumberger G. Deux chefs normands des armées byzantines au XIe siècle: Sceaux de Herve et de Raoul de Bailleul // *Revue Historique*. 1881. Vol. 16. P. 289–303.
38. Seibt W. Ἀρσάκιδης / Aršakuni – Armenische Aristokraten in byzantinischen Diensten // *Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik*. 1994. Bd. 44. S. 349–359.
39. Seibt W. Armenische personlichkeiten auf byzantinischen Siegeln // *Armenian perspectives: 10th Anniversary conference of the association international des Etudes Armeniens* / Ed. N. Awde. Richmond, Surrey, 1997. P. 269–272.
40. Seibt W. Liparites als „byzantinischer“ Familienname in der Komnenenzeit // *Dedicatio. Ist'oriul-pilologiuri dziebani (= Festschrift Mariam Lortkipanidze)*. Tbilisi, 2001. P. 123–131.
41. Seibt W. The sons of Senekerim Yovhannes, the last King of Vaspurakan, as byzantine aristocrats // *Revue des Études Arméniennes*. 2016–2017. Vol. 37. P. 119–133.
42. The museum of Turkish and Islamic Art. Guide. Istanbul, 2011.

REFERENCES

1. Alekseenko N.A. The molybdoboulloi of armenian aristocrat Philaretos Brachamios in the context of the historical events in the 11th century. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2014, vol. 30, pp. 316–328.
2. Alekseenko N.A., Stepanenko V.P. Senachereim in Byzance: new seals of Theodoros Senachereim from Bulgaria. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Seriya 4. Istorii, regionovedenie, mezhdunarodnye otnosheniia* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 142–149.
3. Bartikian R.M. Reply message from Gregory Magister Pahlavuni to the Syrian Catholicos. *Palestinskii sbornik* [Palestinian compilation], 1962, vol. 7, pp. 130–145.
4. Bartikian R.M. About the Bulgarian army in Vaspurakan and the last years of the Artsrunid kingdom. *Vestnik obshchestvennykh nauk AN Armianskoi SSR* [Bulletin of Social Sciences of the Academy of Sciences of the Armenian SSR], 1973, no. 10, pp. 88–96.

5. Bartikian R.M. By unraveling the mysteries of the “Slavic” origin of the founder of the Macedonian dynasty Basil I (867–886). *Vestnik obshchestvennykh nauk AN Armianskoi SSR* [Bulletin of Social Sciences of the Academy of Sciences of the Armenian SSR], 1985, no. 7, pp. 47–54.
6. Bartikian R.M. On the eve of the fall of the Armenian kingdom of Bagratids of Shirak (to the mission of Catholicos Peter I to Constantinople). *Mirovaia kul'tura. Traditsii i sovremennost'* [World culture. Tradition and modernity], Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 207–216.
7. Bartikian R.M. About the tsarist curator “Μαυζικέρτ και Εσω Ιβηρίας” Michael. In connection with the eastern policy of Vasily I (976–1025). *Istoriko-filologicheskii zhurnal NAN Armenii* [Historical and Philological Journal of the National Academy of Sciences of Armenia], 2000, no. 1, pp. 130–148.
8. Bartikian R.M. Matteos Urkhaietsi. Bartikian H.M. *Studia armeno-byzantina*, Vol. 1, Yerevan, 2002, pp. 367–376. (in Armenian).
9. Bozhilov I., Giuzelev V. *Istoriia na Dobrudzha* [History of Dobrogea]. T. 2. Veliko Tyrnovo, 2004, 468 p. (in Bulgarian).
10. Iordanov I. *Pechati na vizantiiskata administratsiia v B'lgariia (971–1118)* [Seals of the Byzantine administration in Bulgaria (971–1118)]. Shumen, 2019, 375 p. (in Bulgarian).
11. Kazhdan A.P. *Nikita Khoniati i ego vremia* [Nikita Choniates and his time]. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005, 536 p.
12. Kondrat'ev S., Kondrat'eva T. *Nauka «ubezhdat'», ili Spory sovetskikh istorikov o frantsuzskom absolutizme i klassovoi bor'be (20-e – nachalo 50-kh gg. XX v.)* [Science “to convince”, or spores of Soviet historians of the French absolutism and the class struggle (1920s – early 1950s)]. Tiumen, 2003, 272 p.
13. Matteos Urkhaietsi. *Khronografiia* [Chronography]. Erevan, 1991.
14. Mitrofanov A.Iu. With Gratitude and Regret. Another Controversy on the Ruins of Russian Byzantine Studies. A reply to the article by V.P. Stepanenko “A Review of Mitrofanov A.Yu. Emperor Alexei I Komnin and His Strategy. St. Petersburg, 2020”. *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], 2021, no. 2, pp. 296–312.
15. “*Povestvovanie*” vardapeta Aristakesa Lastivertsi [“Narrative” by vardapet Aristakes Lastivertzi]. Moscow, Nauka Publ., 1968, 194 p.
16. Stepanenko V.P. Nikifor Melissin. “Despot and autocrat of the Romans”. *Sfragistika i istoriia kul'tury. Sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi iubileiu V.S. Shandrovskoi* [Sphragistics and cultural history. Collection of scientific papers dedicated to the anniversary of V.S. Shandrovskaia], St.-Petersburg, State Hermitage Publ., 2004, pp. 78–91.
17. Stepanenko V.P. John Vladislav dynasty (Vladislavichi), Arcrunids, Bagratids in the Byzantium of 11th century. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2015, vol. 43, pp. 178–191.
18. Khachikian L.S. About one unique manuscript of Matenadaran. *Pamiatniki kul'tury. Nove otkrytiia. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiia. 1974* [Monuments of culture. New discoveries. Writing. Art. Archeology. 1974], Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 16–24.
19. Khuskivadze L.Z. *Srednevekovye peregorodchatye emali iz sobraniia Gosudarstvennogo muzeia iskusstv Gruzii* [Medieval cloisonné enamels from the collection of the State Museum of Art of Georgia]. Tbilisi, Khelovneba Publ., 1984, 160 p.
20. Iuzbashian K.N. [“Varangians” and “pronia” in the work of Aristakes Lastivertzi. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantine vremennik], 1960, vol. 16, pp. 14–28.
21. Iuzbashian K.N. *Armianskie gosudarstva epokhi Bagratidov i Vizantiia (IX–XI vv.)* [Armenian states of the Bagratid and Byzantium era (9th–11th centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 304 p.
22. Cahen Cl. *Pre-Ottoman Turkey: A general survey of the material and spiritual culture and history, c. 1071–1330*. London, 1968, 480 p.
23. Cahen Cl. *La Turquie pré-ottomane*. Paris, 1984, 409 p.
24. Cahen Cl. *The formation of Turkey: The Seljukid Sultanate of Rūm: Eleventh to Fourteenth Century*. Harlow, New York, 2001, 302 p.

25. Cheynet J.-Cl. Les Arméniens de l'Empire en Orient de Constantin X a Alexis Comnene (1059–1081). *Arménie at Byzance: Histoire et culture*, Paris, 1996, pp. 67–78.
26. Cheynet J.-Cl. *Sceaux de la collection Zacos (Bibliothèque Nationale de France) se rapportant aux provinces orientales de l'Empire byzantin*. Paris, Bibliothèque Nationale de France, 2001, 103 p.
27. Cheynet J.-Cl. De Tziliapert à Sébastè. *Studies in byzantine sigillography*, 2006, 9, pp. 213–226.
28. Dedeyan G. *Les pouvoirs arméniens dans le proche-Orient méditerranéen (1068–1144)*. Thèse de doctorat d'Etat. Paris, Université Paris I, 1990.
29. Dedeyan G. Les princes arméniens de l' Euphrate et Empire Byzantin (fin XIe – milieu XIIe c.). *Arménie at Byzance: Histoire et culture*, Paris, Publ. de la Sorbonne, 1996, pp. 79–88.
30. Dedeyan G. *Les Arméniens entre Grecs, Musulmans et Croisés. Etude sur les pouvoirs arméniens dans le Proche-Orient méditerranéen (1068–1150)*. Vol. 1: Aux origines de l'État cilicien: Philarete et les premiers roubenien. Vol. 2: De l'Euphrate au Nil: Le réseau diasporique. Lisbonn: Fondation Calouste Gulbenkian, 2003.
31. Haldon J. *Warfare, state and society in the Byzantine world 565–1204*. London, New York, 2003, 390 p.
32. Ioannis Scylitzae. *Synopsis Historiarum*. Rec. I. Thurm. Berlin, New York, 1973, 642 p.
33. Jean Skylitzes. *Empereurs de Constantinople*. Texte traduit par B. Flusin, annoté par J.-C. Cheynet. Paris, 2003, 467 p.
34. John Scylitzes. *A synopsis of Byzantine history. 811–1057*. Trad. by J. Wortley, with introductions of J.-C. Cheynet and B. Husin and notes by of J.-C. Cheynet. Cambridge, 2010, 526 p.
35. Krsmanovic B. *The byzantine province in change (on Threshold between the 10th and the 11th century)*. Belgrade, Athens, 2008, 232 p.
36. *Michaelis Attaliothae Historia*. Rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1853.
37. Schlumberger G. Deux chefs normands des armées byzantines au XIe siècle: Sceaux de Herve et de Raoul de Bailleul. *Revue Historique*, 1881, 16, pp. 289–303.
38. Seibt W. Ἀρσάκιδης / Aršakuni – Armenische Aristokraten in byzantinischen Diensten. *Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik*, 1994, 44, pp. 349–359.
39. Seibt W. Armenische personlichkeiten auf byzantinischen Siegeln. Awde N. (ed.), *Armenian perspectives: 10th Anniversary conference of the association international des Etudes Armeniennes*, Richmond, Surrey, 1997, pp. 269–272.
40. Seibt W. Liparites als „byzantinischer“ Familienname in der Komnenenzeit. *Dedicatio. Ist'oriul-pilologiuri dziebani (= Festschrift Mariam Lortkipanidze)*, Tbilisi, 2001, pp. 123–131.
41. Seibt W. The sons of Senekerim Yovhannes, the last King of Vaspurakan, as byzantine aristocrats. *Revue des Études Arméniennes*, 2016–2017, 37, pp. 119–133.
42. *The museum of Turkish and Islamic Art. Guide*. Istanbul, 2011.

Информация об авторе

Степаненко В. П. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета.

Author information

Stepanenko V. P. – Doctor of Science (History), Professor of Ancient and Mediaeval History Department of Ural Federal University.